

Иван Тимофеев

ВСЁ

18+

Иван Тимофеев

Всё

<https://litres.ru/74485642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ян Ленков точно знает, что происходит с его жизнью: она разваливается. Работа давно стала привычкой, брак подходит к концу, а будущее обещает лишь продолжение прошлого.

Но однажды Ян возвращается из места, в котором никогда не был, с памятью о том, чего с ним не случилось.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иван Тимофеев

Всё

Глава 1

Зуб.

1.

2006 г.

Несколько деревьев, маленьких приземистых берёзок, листва которых догорала ржавым огнём северной осени — вот, пожалуй, всё, что скрывало Яна от наступающих его быстрых силуэтов. Нельзя сказать, что преследователи были бесшумны, они не особо старались. Видимо, понимали, что добыча или оглушена, или самоубийственно глупа — и бегство бессмысленно. Силы у Яна действительно были на исходе... а ещё нырок в ледяную речку по пути... Правда, сейчас он вновь разогрелся от бега, и при кратких остановках пар от него валил столбом, отдавая с теплом калории осеннему воздуху. Трём загонщикам можно было совершенно не утруждаться ориентированием, его хриплое дыхание было отчётливо слышно даже сквозь шум усилившегося дождя. Сколько он бежал? Минут двадцать?.. Только теперь преследователям уже явно стала надоедать охотничья забава, и двое по-

спешили вперёд, в обход беглеца.

У Яна не было времени нормально подумать. Возможно, рассудив взвешенно, он бы давно остановился, сохраняя силы для боя. Но паника, охватившая его с самого начала, требовала только одного — спастись, убежать, спрятаться. Теперь он уже понимал, что гонят его несколько опытных человек и шансов победить при встрече просто нет. Ещё через минуту бега Ян начал искать место для последней остановки. Атаки со спины, вновь ввергающей в панику, ему хотелось избежать любой ценой — он решил встать в тупик, такой, где нападающие смогут действовать только по очереди и хотя бы все будут на виду. К относительной удаче, такое место нашлось в пределах нескольких перебежек. Разлом в границе тянулся примерно шагов тридцать, углубляясь в пригорок до маленького распадка, который вполне мог бы стать защитой от нападения сзади.

Всё. Тут даже есть мелкие камни — хоть какое-то оружие. Добежав до тупика и обернувшись, Ян в первый раз смог разглядеть одного из охотников в деталях. Старик. Одет в какую-то бурую шкуру. Смуглая кожа, мелкие черты лица, чёрные провалы раскосых глаз. Совершенно неандертальский "прикид". И наглое спокойствие. «Господи, да он даже не запыхался! Интересно, сразу убьёт?»

Не сводя глаз с добычи, старый охотник мелкой трусцой двинулся вперёд. Ян бросил первый камень, примериваясь. Даже забавно... и как-то обречённо. Камень пролетел в мет-

ре от нападавшего. Ян сквозь одышку криво усмехнулся. Охотник даже замедлился, словно подставляясь. «Играет. Потом точно разделает под орех... но пока ему интересно — я жив». Ещё один бросок, камень крупный. Летит быстро, брошен из последних сил. Неуловимым движением за мгновение до попадания человек отклонился, пропустив булыжник мимо. Ноль эмоций, но остановился... Улыбка. Половины зубов нет, скорее оскал. Ян дёрнулся как от удара тока — сзади, точно в макушку, прилетел мелкий камушек. Мельком оглянулся, отступая: в десяти метрах по краям разлома стоят ещё двое, смотрят куда-то чуть в сторону. Панический поворот головы обратно... За это мгновение старик приблизился почти вплотную, с той же "улыбкой". И с огромным ножом. Неожиданно для себя Ян стал видеть всё очень ясно. Всё то, что сейчас видеть было вовсе не нужно — хмурое небо, глубокую зелень мха на камнях, мокрые потёки ручья по стенам оврага, гнилую листву, почувствовал каждую капельку дождя, падающую на холодеющее лицо. Страх ушёл. Даже не осознав собственного намерения, Ян прыгнул вперёд. Человек опять чуть отклонился, оставляя руку с ножом на траектории движения жертвы. С невероятной для себя скоростью Ян успел отбить летящую навстречу угрозу, ударив чуть ближе к локтю. Ледяная вспышка боли в руке, пальцы на ней разжались навсегда. Ян пробежал ещё пару шагов, затравленно обернулся. Охотник задумчиво слизывает кровь с ножа. Теперь он совсем расслабился и идёт прямо

вперёд — просто резать. Вдруг остановился, опять улыбнулся. Вспышка...

Голова раскалывается, чувство падения, предельная слабость. Совсем далёкий шлёпающий звук и какое-то странное ощущение на онемевшем лице. «Вот это похмелье...» Ещё шлепок, теперь яснее. Ян с огромным усилием разлепил веки. Холод, жуткий холод, в глазах белая муть... какая-то тень, сильный удар. Наконец, удалось собраться и немного поймать резкость: над ним склонился странный дед в меховом капюшоне.

Вот теперь вернулась и память, картинка перед глазами окончательно обрела фокус. Старик медленно продемонстрировал перед его лицом уже знакомый здоровенный нож, глядя прямо в глаза. Ян, замирая, осознал, что этот взгляд не позволяет смотреть в сторону, дышать, вообще связно думать — он как бездна, куда можно только падать. Так же медленно человек подвёл нож к его горлу, сквозь пелену полубморочного восприятия Ян почувствовал холодную линию чуть выше кадыка. Резкий нажим, мокрый треск, адская, всепоглощающая боль. Ян с неожиданной силой задёргался в конвульсиях, но мучитель держал крепко. И не позволял отвести взгляд... Остатки воздуха с бульканьем вырвались из аккуратно разрезанного горла, толчки крови уже не били фонтанчиками по сторонам, и нестерпимая боль начала, наконец, отступать. В последний миг Ян понял, что теперь смотрит на себя из глаз убийцы.

2.

Охота прошла необычно и удачно. Впрочем, на тех тропах, где промышлял Зуб, странность была в порядке вещей. Вот и сейчас трое мужчин молча встали на каменистой вершине небольшого пригорка, взялись за руки и застыли в ожидании. Через некоторое время в отдалении занялся порыв неуместного в этот час шквального ветра. Усиливаясь, он с надсадным шумом обрывал почти догола низенькие деревца, нёс с собой клоки какого-то мусора, поднимал и выбрасывал всё это на многометровую высоту. Ещё мгновение — он достиг вершины и... развеял молчаливую тройку. Их одежды оказались оторванными клоками трухлявой коры, тела разлетелись комьями мокрой гнилой листвы, звякнул о камни бывший длинный кривой нож — кусок какой-то арматуры.

Основное ремесло всегда отнимало у Зуба много сил, особенно возвращение с добычей из другой глубины мира. Но и награда была велика — он был сильнее обычного человека почти во столько же раз, сколько поглотил душ с момента овладения своим даром. Последняя добыча далась подозрительно легко. С той же лёгкостью Зуб в былые времена резал совсем молодых женщин — та же глупая паника и беззащитность, полная покорность перед смертью. Зато после трапезы он почувствовал разницу. Новая душа была переполнена впечатлениями настолько, что сама собой начинала

разваливаться на куски внутри Зуба. Держать её в целостности приходилось самому, что отбирало уйму сил и внимания — но ему не нужны потом лохмотья вместо собранной силы. А что будет во сне, когда начнёт приходить чужая память? Конечно, за несколько ночей он вырвет её с корнем, но сегодня, возможно, стоит готовиться к серьёзной работе.

В юрте витали тяжёлые запахи, приносящие успокоение старому колдуну: пот, горелое мясо, олений мех, чад трав на углях в очаге... Недавно заходил Локоть, просил убить своего нового врага. Скрипнуть бы сейчас зубами, будь их побольше... Вождь-колдун такую наглость прощать не должен. Он, разумеется, убьёт врага племени, а затем и самого Локтя. Две души, устрашение соседей, чистка племени от слабаков — рассудительность, которая, возможно, даже была бы достойна благоволения отца. Сейчас же внутри зрело странное чувство. Зуб откинулся на лежанку, глубоко вздохнул и попытался вернуть стержень души в центр внутреннего мира. Однако горячечный, панический трепет лишь усиливался, словно из-под этого стержня постоянно вымывало почву, и он уже готов, содрогнувшись, вообще провалиться. Да, сейчас, сохраняя волю, усиленную десятками вобранных в неё жертв, Зуб без труда держал себя в руках. Но сон, сон!.. Там всё иначе.

Колдун нехотя поднялся, шагнул к выходу из юрты и ударил в лениво вращающуюся на сквозняке гнутую миску, служившую нехитрым колоколом. Затем вернулся в дальний

угол, лёг, замотался в шкуры. Через некоторое время сквозняк от входа потерял свежесть, её место занял запах мочи и гнили. Зуб раздражённо поморщился: завтра надо будет скормить рабов собакам. Обоих.

Из намечающихся сумерек, согнувшись пополам, ввалились два смердящих комка лохмотьев — дань Остроухих. Ныне Остроухих вырезали полностью. Последнего свободного ребёнка зарезал лично Зуб, чем, возможно, обеспечил себя тайной силой уничтоженного рода. А эти двое уже не люди.

— Сидеть. Бить в бубен. Другой бьёт этого. Постоянно.

Наконец, Зуб начал расслабляться. Под равномерные удары бубна и звонкие шлепки по лицу исполнителя, сочетающиеся в причудливый ритм, он стал осторожно засыпать.

3.

Лис уже забыл, когда в последний раз ел. Хотя он уже давно не считал это важным, да и считал ли важным что либо вообще... Его жизнь кончилась почти полгода назад, после той памятной облавы на их племя. Желание жить было до того момента его основой, и эту основу он потерял навсегда. Так глупо получилось... он не был слабаком, отнюдь, в своё время лучше многих прошёл утренний путь воина.

Был просто удар сзади, из ниоткуда... Что осталось теперь? Тупая покорность, наступившая сразу после первой и последней попытки побега. Если бы его тогда убили!.. Да смерть была бы избавлением! Но вместо этого — перекошен-

ное лицо местного колдуна, вкус крови и горелой палки, ломающей зубы, чтобы влить какую-то гадость, потом тьма и ощущение, что тебя пьют через соломинку... Теперь его воли едва хватало на то, чтобы просто справлять естественные нужды. Зато, если прикажет хозяин, он с воплем вырвет себе глаза, даже не раздумывая. Самое отвратительное, что ему оставили эту самую способность — думать. И ещё ненавидеть. День за днём Зуб с удовольствием пил эту ненависть...

Сейчас, отвешивая удары своему бывшему лучшему другу, он тоже не мог ничего изменить. Краб был при смерти. Только полная неспособность сопротивляться заставляла его двигаться, исполнять приказы. То, что он вообще ходит, — чудо, мрачное чудо. Его нога догнила до икры, жуткий смрад теперь был ему спутником. Но хозяина это не волновало, он лишь брезгливо морщился иногда. Вот только теперь и колдуну, похоже, приходится туго: Лис впервые сегодня видел его страх. Зубу отчего-то явно стало не до рабов. А колдун должен быть внимателен. Всегда.

Лис понял ещё вчера — скоро конец. Возможно, он испытывал бы облегчение, но ненависть... теперь она была его основой! До сих пор они с Крабом просто ждали развязки, однако в момент, когда всё стало окончательно ясно, что-то в Лисе переломилось, скомкалось и... вырвалось на свободу! Да, в этом мире его больше ничего не держит, и мерзкому заклятью уже почти не за что зацепиться. А ненависть осталась, чистая, ясная, холодная. Когда-то давно, много недель

назад, он пытался, невзирая на дурман запредельной усталости, предаться воспоминаниям о прошлой жизни. Там было о чём вспомнить. Безумная любовь, надежды, ошибки... Попытался — и с ужасом отшатнулся, зарёкшись делать это впредь. То, что осталось от него теперь, не имело права мараить даже взглядом жизнь прежнего Лиса. Он просто ходячий труп, ему с живыми не по пути.

И вот теперь...

Озарение! Да! «Хозяин приказал — я исполню, хорошенько исполню!!» Лицо Лиса сквозь слой грязи перекопилось в оскале. Зуб глухо постанывал во сне, иногда лепетал что-то совершенно бессвязное, его побелевшие пальцы судорожно впились в раскиданные шкуры.

Прошло несколько часов. Краб уже перестал мелко трястись, затянувшаяся агония подходила к концу... Последний удар, тихий шелест оседающего тела. Лис склонился над умирающим, отнюдь не от сострадания — приказ никто не отменял. Но заклятье над смертью не властно! Краб последний раз открыл удивительно прояснившиеся глаза, пристально посмотрел на Лиса. Через мгновение уже мёртвый взгляд скользнул в сторону. Коротко всхрипнул в углу колдун, из-под смрадных лохмотьев Краба начал нерешительно вытекать маленький жёлтый ручеёк.

Все те крохи сил души, что оставили Лису для жизни, сейчас собрались воедино. Теперь, если даже набить ему

рот едой, без приказа он и глотнуть не сможет, продолжает дышать — скорее по недоразумению. С предельным усилием Лис подтащил ближайшую шкуру, накрывая ею руку Краба, вцепившуюся в бубен мёртвой хваткой. За несколько мгновений Лис полностью взмок. «Да, хозяин! Бить в бубен! Удачной охоты!!» И тихие, глухие удары в шкуру, до беспмятства...

4.

Надо убираться отсюда. Они боялись его как смерти. Сейчас, когда почуяли, что с ним произошло что-то непоправимое, боятся ещё больше. А звериный страх неуправляем, могут просто наброситься все сразу, как ошалевшая стая. Подумаешь, большая беда! С прежней силой этих ничтожеств можно было бы разогнать одним лишь взглядом. "Было бы"... Он уже не в состоянии ничего с собой сделать. Теперь он — невольник, пока что — только во сне. Но и в явь уже начала проникать его Большая Смерть. Позавчера не смог убить раба, в один момент его всего как будто переклинило... однако, если бы он теперь не был ущемлённым, раб бы его изрядно развеселил своей находчивостью. Додумался же, огрызок!.. Разрезать бы его как-нибудь поинтереснее, в награду за хитрость.

А сейчас... Будь возможность хоть на мгновение вернуть свою душу в центр — тут же покончил бы с собой, какой смысл — стать вскоре полуживотным, как всё отребье вокруг, даже хуже? Тогда, в первый час, как только понял, что

произошло, он просто выл волком, до хрипа, катался по полу ужом. Его теперь будут переваривать как добычу! Да смерть по сравнению с этим — мечта. Презренный. Победившее его существо беспредельно глупо. Все силы всей жизни, все души! Этой ночью он их просто отпустил! С лёгкостью! Даже его душу попытался, идиот... правда, с проклятьем. Червь. Теперь он сам слаб, как больной ребёнок. Первая же встреча с противником — последняя.

Зуб, тяжело вдохнув, поднялся с земли. Накатило безразличие. Неожиданно для себя осмотрелся вокруг.

Где-то в редколесье застрекотала птица... стало вдруг так тревожно, горько и отрадно — огромная чаша темнеющего неба, алые, смазанные к закату облака, диск солнца сквозь чёрные ветви деревьев...

Он шёл по вытоптанной траве между убогими юртами и начинал тихо пропадать. А воздух такой свежий! Пара мальцов-дармоедов Локтя из крайней юрты шарахнулась от него в сторону... три дня назад он решил убить их отца, да куда уж теперь. Колдун зябко передёрнул плечами. Тропинка не спеша вывела его на маленькую поляну перед опушкой, покрытую сизым пружинящим ягелем.

Мысли вдруг заплелись, помутились... Вместе с ушедшими душами спала какая-то завеса с глаз: есть небо, птицы, лес, земля, всё вокруг. Да, он имел над ними власть. Бешеной силой ворваться в тело, в голову жертвы, подчинить во-

ле, заставить служить, владеть! Он был ближе к дикости мира. Но не видел мир...

И стало очень-очень больно там, в самой глубине. Мягко так, неотвратимо... Зуб внезапно понял, что один. Вообще один.

5.

Добрался до Скалы Призыва утром, неожиданно устав под конец. Хотя что удивляться, теперь его силы равны силам двух человек, всего-то. По пути к месту начала прорываться память добычи — ещё один ужас наяву. Понять этот бред было решительно невозможно. Занятно и бесполезно. Зуб знал, что существует последние часы, однако это его уже особо не трогало — соответствующие части личности, видимо, уже "усвоились" бывшей добычей. Однако он просто не умел сдаваться. На рассвете попытался незаметно стереть из памяти часть с колдовскими тайнами рода, чтобы хоть как-то отомстить за самую жуткую из смертей для колдуна, но не успел: изменённое сознание сочло это глупостью и мелочностью, принесся мысль, что особых-то мучений и не было. Теперь — да, всё легко. Видимо, так смерть и приходит. Если бы вернуть даже на одно мгновение того, прежнего себя — адское, запредельное и отчаянное безумие было бы гарантировано.

Зуб пробирался к пещере как обычно, стараясь не натыкать тропу. Роса слетала с задеваемых веток в лицо ледяным душем, доставляя лёгкий дискомфорт. Да, видимо, жертва

была совсем неженкой. Ну, судя по последней охоте, любая здоровая баба из нормального рода дала бы больший отпор, чем это убожество, так что неудивительно... Но убожество победило, пусть отчасти и из-за его ошибки... Кстати, теперь уже с обрывками памяти пришло имя — Ян.

В глубокой тени, за плотными кустами голубики, показались поросшие тёмным мхом валуны. Со стороны заметить зазор между двумя крупными камнями, идущий поперёк расселины, было почти невозможно. Особо таиться раньше смысла не было. Но он был аккуратен, как и все, кто хочет подольше прожить. Ну, как выяснилось, почти. По привычке Зуб поднимал мох с намеченных камней перед каждым шагом, а затем просто давал ему упасть на место.

Ледяная сырость грота, плесень. Через десяток шагов, боком и пригнувшись буквой "Г" («интересно, что такое буква?...»), Зуб, наконец, оказался в нужном месте, сменил зрение на ночное. Теперь это его могила. И первый дом для Яна. Хотя, скорее всего, это создание тут и пару дней не протянет. На полу маленькой пещеры высотой в две трети и шириной в один человеческий рост был навален щебень, поверх — брёвна, на них — выдубленные годами шкуры, уже почти без намёка на мех. Легчайший сквозняк протягивал воздух вниз и вправо, в щель у "пола". Огонь не предполагался, по крайней мере, раньше.

Вот и всё. Чуть расслабившись, Зуб начал проваливаться в беспамятство, в последний сон. Его железная воля те-

перь бесполезна, смысла противиться сбывшемуся просто нет. Потухающее сознание вдруг "взбрыкнуло" бесконечно давно забытым детским азартом, как тогда, сотни лет назад, когда он впервые смог повторить за отцом нехитрую манипуляцию с этими красными вкраплениями в камень, как их там... Это было радостно, в тот день отец его даже не бил... Зуб тяжело рухнул на шкуры, на пару секунд придя в ясное сознание в последний раз. Приложив оказавшееся непомерным волевое усилие, он заставил тихо тлеть алым светом россыпь минералов в своде пещеры, обеспечив себе тёплый последний сон. Неожиданно для себя мягко улыбнулся, глубоко вздохнул и...

6.

Ян пришёл в себя от того, что его кто-то не особо аккуратно тормозил, натужно сопя. С трудом разлепив глаза, Ян различил перед собой в тусклом багряном свете какого-то подростка.

Тут же навалились остальные ощущения — ломота во всём теле, зуд многочисленных укусов насекомых, раскалывающаяся голова, острая зубная боль, общая крайняя слабость на грани обморока. Полный набор. Сильнее всего Яну захотелось обратно впасть в спасительное забытьё, просто не присутствовать в этом кошмаре. Закрыв глаза, стало чуть легче.

— Ну что, дедуля, очухался? — Веселый и звонкий мальчишеский голос резанул по ушам.

— Б-уу... агрх... я что-то не соображаю пока, пацан.

Услышав собственный скрипучий старческий голос, Ян внезапно закашлялся, резко доведя этим головную боль до предела, за которым, возможно, уже будет долгожданная отключка.

— Не-е, так не пойдёт. — Паренёк добавил в голос напускной строгости. — Подъём!

Внезапно, как будто где-то плавно повернули ручку регулятора, весь тошнотворный болевой фон сошёл до вполне приемлемого уровня.

— Это ты сделал?? — через секунду, уже окрепшим голосом, спросил Ян.

— Деда, ты тут мухоморы-то где сушишь, а? Шучу. Я, конечно. Кому ещё ты нужен в этой дыре. Даже людоедикам местным на один зуб.

Подросток, поманив за собой Яна, проворно полез наружу через вход-щель в пещеру.

Пещера...

И тут на Яна накатило. Всё сразу. В мрачном бордовом свете Ян с утробным завыванием поднёс к глазам чужие трясущиеся старческие руки. Паника?.. Нет, запредельное отчаяние, переходящее в тупую апатию, заполненную фоном первобытного ужаса. Одинокая мысль — «...как же я умудрился выдержать всё произошедшее там, внутри этого чудовища?!» Бездонная мука.

Наконец, свет в глазах сжалился и начал меркнуть.

— ***, — донеслось от входа. — Как до жирафа.

Свет вернулся. Ян тихо простонал, перекатился на бок. Отлегло, тоже, вроде бы как снял кто...

— Конь в пальто. Идём, воняет тут изрядно...

Ян медленно и аккуратно принял вертикальное положение, едва не зацепив каменный карниз над головой. "Интерьер" пещеры тут же расцвели весёлые звёздочки перед глазами.

На подгибающихся ногах, судорожно цепляясь за стены слабыми тощими руками, Ян начал выбираться наружу. В груди отчаянно трепыхалось немощее сердце. С трудом согнулся, чтобы проползти по щели входа, внезапно обильно взмок холодным потом. «Да я, похоже, не жилец вообще», — как-то отстранённо подумал Ян и застрял посередине лаза. Через пару мгновений внезапно накатила жуткая головная боль, вновь осветив всё перед глазами сотнями искр. Но сознание даже не думало меркнуть.

— Ну кнут, так кнут. — Вредный голосок совсем рядом вдруг заставил Яна тихо взвыть от закипающей ненависти к мучителю.

Это придало сил, остаток пути к выходу был преодолён за несколько секунд. Ян со стоном сполз по боку заросшего валуна у входа, жадно глотая пересохшим ртом сырой воздух. Боль опять "выключили".

— Скотина.

— Скотина — это как раз ты, — размеренно ответство-

вал пацан с соседнего камня. — Тебя пока только по первой сигнальной и можно гнать.

— А смысл волочить это подышающее тело? — вялым шёпотом поинтересовался Ян. — Ему ж осталось-то всего-ничего.

— У тебя есть другое? Наглец. Ты недавно был вообще чистой абстракцией... вот так всегда, к хорошему мгновенно привыкают... по идее, сейчас должен быть благодарен за каждую секунду продлённого существования. Тем более в таких "курортных" условиях.

Ян попытался возмутиться, но вовремя передумал, сэкономив силы на медленный спуск с камня в лежащее положение.

Прошла минута, почти мгновенно.

— Не спи, замёрзнешь.

— Шутник, — донеслось снизу.

— Опять "взбодрить"?

— Валяй... а, чтоб тебя. — Ян, кряхтя и кашляя, на четвереньках пополз между валунами от входа.

— Есть надежда, — авторитетно сказал пацан и поскакал вперёд по камням, фальшиво напевая что-то типа «Show must go on».

Тут Яна "осенило":

— Слышь, попрыгунчик, а помочь не судьба?! — Он опять начал закипать.

— Ещё и хам. Ладно, так и быть, не доползёшь ведь. Ещё

два километра впереди.

— ???

— До шалаша твоего летнего. Забыл, дедуля? Как там его это... а, склероз! — Смех пацанёнка был на редкость звонким.

Пацан легко соскочил с крайнего валуна в распадке, вприпрыжку подбежал к Яну и начал равномерно и весьма болезненно пинать его ногой в зад.

— Твою мать!! Охренел?!

— Ян, ты пока слишком слаб для того, чтобы выполнить предназначенную тебе функцию. Ты — чмо. Я тебя слегка "прокачиваю", не напрягайся лишнего, пока твоя задача проста — ползи вперёд, и желательнее быстрее. Скоро тебя начнут убивать. То, как это будут делать твои... ммм... соплеменники, тебя совсем не вдохновит.

Внутри разума Яна что-то легонько хрустнуло, и он, сумев временно отсечь большую часть эмоций, довольно бойко стал перебирать конечностями, иногда даже делая вполне успешные попытки подняться.

— Во, даёшь КПД! — оптимистично донеслось сзади. — Как говорится, "встань и иди"!

И Ян встал. Его мотало как в сильный шторм на утлом челне, но общий вектор от мучителя, погонявшего его лёгкими тычками острых детских кулачков, держал вполне сносно.

Через пару десятков метров, чудом не споткнувшись об

многочисленные поросшие невысокой травой кочки, он доплёлся к одиноко стоящему камню, чуть ниже его роста. Внезапно Яна буквально прострелило острейшее чувство опасности, ничем вокруг не мотивированное. От силы и резкости впечатления Ян, не раздумывая, рухнул за камень.

— А знаешь, почему ты сейчас тут со мхом обнимаешься? — отчего-то шёпотом спросил вездесущий мальчик, бесшумно присев рядом с ним на корточки.

Старик осторожно поднял голову и вопросительно глянул исподлобья.

— А потому, что в соседних вариантах, примерно через час, ты уже жрёшь свои кишки, — прозвучало с участием, но явно не особо искренним. — Недолго, у тебя они пустые.

Ян, замирая, проследил за тонкой ручонкой в... синей осенней ветровке! Она кривым детским пальчиком указала на отдалённый вход в пещеру, рядом с которым, не потревожив и листочка, появилась мохнатая тень нового преследователя.

А в голову разом полезли совершенно неуместные мысли. Вместо того, чтобы следить за угрозой, Ян вперился в наряд спутника. Синяя ветровка просто кричала миру "made in China", тёмные джинсы, пузатые кроссовки...

— Соли дать?

— А? Чего?? — полностью дезориентированный, сиплым шёпотом спросил Ян.

— Ну, чтоб вкуснее кишки были.

Ян судорожно вжался в землю, казалось, даже сердце смог остановить.

— Гы, — почти вполголоса донеслось сверху. — Шютка юмора. Потрошитель решил пещерку проверить, перед тем как по твоим синусоидальным следам податься сюда.

Уже какое-то привычное отчаяние...

«Действовать» — пустая, но предельно императивная мысль победила всё. Ян сорвался с места... в уме. В реальности он костлявой, почти бессильной, но неожиданно хваткой рукой вцепился в пацана и, как мог, рванул на себя.

— Останови его!!! — Писклявый старческий голос обрёл внезапную силу. — Ты можешь!!

Паренёк, смешно мотнув головой от рывка, мгновенно обмяк и безличным голосом ответил: "Пункт первый: принято".

— Насрать, что там принято, вперёд!

Мальчик мягко и аккуратно отцепил чужие пальцы от своей куртки, поднялся и спокойной прогулочной походкой пошёл к Скале Призыва.

— «Врагу не сдаё-о-тся наш гордый Варяг, поща-ады никто-о...» — От тонкого детского голоска Яна передёрнуло.

Прошла пара секунд. Отстранённо решив, что является законченным кретином, Ян на четвереньках пополз за "героем".

Тем временем из укрытия наружу показался преследователь и замер у входа, едва завидев направляющегося к нему

пацана — тот шёл навстречу, мгновенно начав на более ровной местности комично печатать шаг, высоко задирая ноги в такт песне.

Отметив про себя, что дружить с чужой головой его уж точно никто не обязывал, тем более на краю второй гибели, Ян почувствовал какую-то странную внутреннюю свободу. И неожиданно для себя заливисто заржал.

Комбинация поющего и марширующего навстречу чудно одетого паренька и ржущего экс-шамана вызвала в охотнике быструю и совершенно чёткую реакцию — меньше чем за секунду он растворился в сумерках, беззвучно шатнув по пути пару веток на окружающих берёзках.

Пацан мгновенно смолк, как отрезало.

Рядом, в наступившей тишине, неуверенно чирикнула какая-то птичка. Яна вдруг начала окружать пищащая масса комаров, словно раньше они его не замечали. Сил отмахиваться, разумеется, не было. Ян, тихо простонав, завалился набок, всё ещё мучимый спазмами смеха.

7.

— Ян, ты уж прости, дорогой, но я должен тебя разбудить. — Довольно серьёзный и разом потерявший издевательские нотки голос паренька вновь потребовал возврата к реальности.

Привычные мучения получили ряд новых оттенков.

— Может, лучше я всё же схохну, а, "дорогой"? — Остатки воли к Яну просто отказывались возвращаться.

— Это ты совершенно верно угадал.

Смотреть оказалось совсем трудно: всё лицо, раньше представлявшее собой обтянутый кожей череп, умудрилось безбожно распухнуть от укусов комаров вперемешку с гнусом. Но боли почти не было — всё просто онемело, чему Ян вяло порадовался.

— Ты, конечно, мешок с костями, но и у меня силы тают. Будь добр, переползи чуть правее и положи голову вот на этот валун. Кое-что поменялось по твоей милости.

— Решил-таки грохнуть?

— Ага. Надо.

Ян обрадовался.

Но не весь. Внутри вдруг снова ожило то запредельно ясное чувство, что умирать — это очень неправильно. Совсем. Просто недопустимо. Потому что навсегда. То есть — взять и исчезнуть. Такого просто не может быть. Не должно. Потому что некому будет быть.

— Молодец, успехи, — тут же "поддержал" его пацан.

Ян умудрился отрешённо призадуматься, лёжа в метре от смерти.

— «Ты же ведь все мои мысли читаешь, так?»

— Разумеется, это можно назвать таким образом.

— «Поясни».

— Ты "написан", я "написан". Мы часть целого, мне не надо читать твои мысли, я просто произвожу действия — нужные действия.

— ... а ты вообще соображаешь?

— Нет.

— Мило.

В этот момент Ян принял решение.

— Я буду с тобой драться за жизнь.

Полумёртвый старик начал шарить непослушными руками вокруг в поисках оружия.

— Ты должен понять суть существования, дорогой. Забей на тушку.

— Я не могу рисковать *собой*.

— Что ж, ты сам выбрал менее безопасный вариант.

"Ручку управления" болью выкрутили на максимум, до упора...

Глава 2

Она.

1.

Серо-зелёные пятна собрались в какие-то странные фигуры. Секунда, и пришло понимание картинки. Опять вездесущий мох, лицо на камне и песок во рту. Ян начал аккуратно пытаться думать. Тихий ветерок неприятно охлаждал мокрые волосы, сбившиеся на лицо... Почему "опять"?! Остро резанула память, вновь яростно затрещала от боли голова, до блевоты. Ян тихо застонал, переворачиваясь с бока на живот, исторгнул почти чистую желчь из желудка. Стало заметно легче.

Внезапно над Яном пронёсся бурный порыв ветра в сторону ближайшего холма, окатив его градом ледяных капель с соседних деревьев. На вершине что-то ухнуло, слышался глухой металлический звон, затем всё опять стихло.

«*Это они!*» — полыхнула в сознании Яна паническая мысль. Но ощущения чужого присутствия не было. Прямо-таки демонстративно отсутствовало. «Так, успокойся, разберись», — тут же скомандовал сам себе Ян, пытаясь медленно сесть и при этом не потерять наметившееся чувство облегчения в голове и теле. Удалось с первой попытки, легкая дрожь в конечностях была уже скорее от холода, нежели от обморочной слабости или страха.

Слегка отдышавшись, он удивлённо уставился на свои руки. *Свои здоровые руки!* Ян шумно выдохнул и, к своему внутреннему стыду и удивлению, громко разрыдался.

Это было чувство очень странной раздвоенности: тело ревели раненым зверем, сотрясалось в спазмах, слёзы лились рекой, руки размазывали их по грязному лицу... А внутри было безучастное спокойствие и даже какая-то лёгкая брезгливость к происходящему.

Внезапно истерику как отсекло. Стало тихо, только своё же сопение заложенным носом... Ян несмело потянулся к горлу замёрзшей рукой, опасаясь худшего. Ничего! Ровная небритая кожа, ни следа разреза. Продолжив себя обшаривать, Ян обнаружил две небольшие шишки на голове и ушибленную ссадину вверху щеки — явно приложился о камень, на котором пришёл в себя. Плюс два сломанных и слегка ободранных ногтя на правой руке.

Ян заозирался вокруг, осторожно вертя всё ещё надсадно болящей головой. Распадок, тупик, тот самый, где он принял последний "бой" с Зубом.

«Я просто сдвинулся, это просто приступ шизофрении», — успокоительно сообщил себе Ян. «Или упал и ударился до глюков...» И, разумеется, ни на грош сам себе не поверил.

Постепенно общий мандраж начал отступать, более насущные мысли стали занимать место гаданий о сути происходящего — нужно согреться, попить и выбираться отсюда. Рюкзачок для мелких вылазок по грибы был брошен где-то

за километр от этого места, ещё за рекой — искать его, похоже, бесполезно... Мобильник... вот, слава богу. Связь 2G, но и то дело.

Ян бросился было тыкать непослушными пальцами в телефон, но тот, намокший, упрямо отказывался понимать его жесты по скользкому экрану. Через полминуты Ян застыл в раздумье — и что сейчас он скажет Лене? Проорёт ей сдавленным голосом, что путешествовал между мирами и телами? Или что за ним гнались маньяки по лесу? Что он расшибся до глюков о камень, до того зачем-то пробежав пару-тройку километров сломя голову? Ян шумно выдохнул и несколько театрально покачал головой.

Естественно, мобильник сразу сдался и заработал — Ян первым делом включил безбожно криво работающий компас. Ну хоть какое-то направление, дальше будет много знакомых ориентиров.

Торопливо вылил из сапог тухлую воду, брезгливо отжал носки, тут же залез обратно — комары явно впечатлились новыми ароматами. Потом, скорее для эмоциональной разрядки, резво вывернул и стряхнул куртку — остальное должно высохнуть на теле при нужном темпе ходьбы. Пятисекундная заминка на ориентирование по хаотично пляшущему компасу и в путь... только тут внезапно прорезалось странное чувство... нет, не опасности — опять чьего-то присутствия. На секунду помутилось в голове.

...Но какой же это рай — быть в молодом теле!! Ян во-

левым усилием скомандовал себе "объяснялку", что головокружение — нормальное последствие травмы, собрался и почти уверенно зашагал на северо-восток, по пути прислушиваясь к шуму встречных ручьёв.

2.

Остановка маршрутки образца ранних 2000-х встретила его как старая любовница — по-родственному привычно, но отстранённо холодно и пусто. Устало топая последние триста метров по ровному асфальту вдоль обочины, Ян лениво подумал, что раньше его бы всерьёз беспокоило состояние сбитых ног, с болью раскисающих в грязной жиже внутри сапог. Он бы волновался, вслушивался в качество болезненных ощущений — «как бы не заражение...» Но теперь лишь слегка скривился от мелкой неприятной детали, не более. В глазах встал образ паренька-садиста в легкомысленном прикиде... и опять нахлынуло то самое, аж до мути в глазах! Ян невольно опёрся о скользкую бетонную стену остановки, встряхнув головой. Полегчало.

— «Наверно, что-то с кровообращением», — подумалось ему.

— «Ну, разумеется, дедуля», — ответилось само собой в тот же миг.

Лёгкой поступью подкралась паника. Ян весь сжался, оскалился и тихонько зарычал, инстинктивно пытаясь выдавить из себя чужака. Немного помогло, но не более.

Он больше не мог быть уверен в своей голове! В своём

здравом рассудке! Боже, он же натуральный псих с голосами в башке!! Попытки заставить заткнуться один голос рождали пару новых, что спорили с ним, с собой, подкалывали, льстили, ёрничали, унижали, успокаивали. Через полминуты это был рёв толпы внутри головы, который уже не было никаких шансов хоть как-то перекрыть — но страшнее всего было не то! Страшнее всего было потерять, который из них "я".

И всё же он смог остаться наблюдателем. За эту мысль, как за соломинку, он держался, стоя скрючившись у стены остановки ещё минуты три, пока мир, наконец, не сжалился над ним. В образе номера 61 на разбитой грязно-жёлтой Газельке.

Лене хватило ума и женской интуиции. Она с порога поняла — что-то не так. Серьёзно не так. Разогретая ожиданием инерция предстоящей склоки погасла почти мгновенно.

Ян с некоторым внутренним удовлетворением наблюдал, как стервозно-скандальное лицо жены за секунду перестроилось в испуганно-материнское. «А ведь не дура, может, когда хочет...» Обычные "заходы" занимали от суток и более.

— Тебя били?! — Голос жены уже отдавал рыданиями. Она аккуратно обняла Яна, словно боясь сделать где-нибудь больно. — Давай в травмпункт поедem, а?! В милицию позвоним...

— У меня была очень тяжёлая прогулка, — криво усмехнулся Ян, глядя жену по жирным волосам. «У неё сегодня

выходной, с утра не мыла», — пришла в голову неуместная мысль. Расслабляться в объятьях жены отчего-то совсем не тянуло.

Лена решительно отстранилась и, взяв его за руку, повела на кухню прямо в обуви. Суматошным движением вытащила вату и перекись из скрипучего шкафчика. Какой же на ней безобразный халат... Пахнет старым борщом.

Беглый осмотр.

— Ох. Ну, зашивать вроде не надо. Так, сейчас ты мне всё расскажешь по порядку. И я звоню брату.

— Лен, не надо. Не тот случай, — попытался улыбнуться Ян, слегка кривясь от пощипывания. Явно по привычке — получить женскую заботу.

— Тут просто стечение обстоятельств. Меня не за того приняли, погнались... я смог удрать... в общем, не надо всё это затевать, Ленусь.

Удивлённый поначалу взгляд жены выразил такую степень презрения к подобной отмазке, что тут и святому бы стало неудобно.

— Я жду. — А вот такая сталь в голосе всегда была причиной тайной зависти Яна, равно как и злости за полную собственную неспособность к подобному волевому напору. Как там пацан говорил?..

Минут пять Ян скомканно мямлил про грибников, скользкий ягель, камни, речку, потерю сознания.

Жена всё молча выслушала, скрестив руки на груди и

смотря в стол, чем дополнительно подчеркнула убогость "отчёта" Яна. А потом, что-то для себя решив, просто мрачно и гордо удалилась.

Ну, теперь всё по накатанной.

— ** твою мать!! — Ян редко позволял себе выражаться при жене, за что она, кстати, его вполне уважала (в комментариях для окружающих).

Жахнул кулаком по столу. Ленина чашка-клубничка съехала на край и замерла.

А ведь разрядка требовалась! Всё произошедшее запросто сдвинуло бы крышу у любого кремне-волевого человека, не то что у явно не отличавшегося выдержкой Яна. По крайней мере, из своего жизненного опыта он делал именно такой вывод. Однако теперь, выйдя за рамки допустимых нагрузок, психика как бы исподволь обрела некую новую форму устойчивости, фаталистичную.

Чувствуя себя опять же неловко, уже перед самым собой, Ян угрюмо допил запасы алкоголя, ожидая наутро, наконец, нормальное родное похмелье.

3.

Последние пару лет Ян всё чаще с тихой тоской осознавал, что его семейная жизнь переходит в плоскость. Именно в плоскость — что-то наподобие старого советского мультфильма из картонок: все вокруг дрыгаются на ровном столе, грязные ниточки к вырезанным фигуркам прекрасно видны, края засалены бесконечными повторами движений, глубины

— ноль. Просто фонтанирующее в начале отношений общение с женой как-то само собой сократилось до утилитарного минимума. Любые попытки выйти за эти рамки уже требовали повышенной траты определённого вида душевной энергии, а она с годами ушла, словно вытекла сквозь пальцы.

Поначалу Ян оттого часто беспомощно злился — хотя и знал, что на эмоциональный отклик, контакт нужны силы, что жена тоже устаёт на работе, но не чужие же люди... и выдавал эмоциональные монологи "в стену". А "стена" устало смотрела на него с раздражённой жалостью, как на больного идиота. Напоминала перестелить, наконец, линолеум в коридоре и не страдать ерундой на букву "х". И всё в двух словах, без интонации, севшим от усталости голосом... И тут же, через пару минут, без проблем заливалась соловьём с подругой по телефону. Неограниченное время.

Плоскость с ямами. Пожалуй, единственное теперешнее развлечение жены персонально для него — скандалы и ленивое допиливание.

Вина. Вот что держит. Он трус. Чмо. Бездельник. Простофиля. Она практична, умна, знает, что и когда ему делать. Иногда может снизойти до разъяснений — сам-то, лентяй, не догадается, что именно в этот момент он ей должен. Но надо отдать дань её чувству баланса: когда уже виден край, срыв, перегиб, когда задавленное мужское готово выгрызть — тут можно, наконец, по-матерински приголубить больного на голову ребёнка, ясно понимая, что отказаться от такой

вдвойне унижительной "заботы" он побоится (это же скандал вплоть до пощёчины), да и добрый, бедняга. Вуаля! Такой полезный комплекс придурка-неудачника в очередной раз надёжно закреплён! Можно жить и спокойно презирать дальше, всё под контролем...

С того памятного утра Ян понял, что это не о нём. И не о них с Леной. Нет больше того малыша-лошка. Может, есть новый, но уж точно не тот.

Была попытка всё спокойно и доверительно объяснить, создать совместный план того, как всё исправить. Ну, хотя бы попытаться.

Куда там. Итог: зверски наорал на жену. Тысячу раз видел это в кино, десятка два — в жизни. Очень хотел ударить, еле сдержался. Когда что-то напрочь подавляется лет пять подряд, в одночасье стать маньяком — раз плюнуть.

Вообще всё пошло не так. Как всегда. Она не признала за ним ни глубины мужского ума вначале, ни прорвавшегося brutalного напора в конце: просто психанувший подросток, не более. Слава богу, Ян вовремя остановился — за такое уже можно и покалечить, в аффекте, разумеется. Из умеренно полезного субъекта Ян за один вечер перетёк в рейтинге Лены в разряд умеренно нежелательных.

Но почему так?! У соседа жена — человек. У двоюродного брата "чума" разбитная, конечно, но тоже homo sapiens. Или он просто не видел теперешних семей изнутри? А у Лёхи со старой работы? Поколачивает даже по пьяни — дак

она за ним как за позолоченным везде ползает, в рот заглядывает.

Надо меняться самому. То есть уже изменился. Но, как видно теперь, поздно.

Может, завтра попробовать поговорить ещё?...

Выходил из ЗАГСа Ян на изрядном мандраже. Как ни держался в духе, а был растоптан, унижен даже перед собой. Последние слова теперь уже бывшей жены — "Ну что, сбежал, ****? Балдей". Логики ни грамма — он же сам всё затеял, вытерпел, умудрился не разосраться с родственниками, закрыл все денежные неустойки, остался человеком.

Удивлялся потом сам, но в загул тогда не ушёл. Было так свободно, горько-честно-просторно, а вот пить не тянуло вообще. На работе коллеги попытались было увести во все тяжкие, но, увидев полное неприятие идеи со стороны потерпевшего, на удивление деликатно отступили.

Пустая квартира... оказалась почти такой же пустой, как и предшествующие несколько лет — тут уже давно жили отдельно два человека. Но всё же разница была. Несмотря на всё давление предразводного быта, что-то неуловимо-женское, домашнее было тогда в атмосфере, а теперь развеивалось... это бельё, вечно сушившееся невпопад, тонны флакончиков, тихий аромат духов в коридоре вперемешку с куревом из подъезда, вездесущие пакетики, полотенца, тёплые тапочки, незаправленная мятая постель с её большой подуш-

кой...

Прошла неделя одинокого быта, и мучения последних совместных годов как-то слишком быстро начали стираться из эмоциональной памяти, давая простор лирике. Но тут Ян уже знал по старому опыту — главное не дать слабину. Сорок восьмое возвращение будет ничуть не лучше сорок седьмого. Тем более тёща сказала, что "приползти" должен именно он.

Жизнь в те два муторных месяца явно расслаивала Яна на две части: с одной стороны, личная драма (так, по крайней мере, комментировали развод окружающие), которая должна была бы надёжно загнать его в чёрную меланхолию, с другой — неизгладимые последствия пережитого "лесного" потрясения, метания между всецелым доверием к мистике любого пошиба и возможным пораженческим походом к психиатру. Как потом часто вспоминал сам Ян, скорее всего, именно это его и спасло тогда от провала на дно саморазочарования и закономерного превращения в циника-мертвеца...

Всё начиналось постепенно, ещё до развода. Где-то через неделю после памятного "возвращения оттуда" произошёл первый проблеск. Или трещина. Лена вела молчаливую осаду воли мужа, текущий метод можно было бы именовать "железная леди в тихой ярости". Воображаемый яд тягучими зелёными каплями стекал со стола с накрытым Яном завтраком — готовить приходилось только ему и только себе: жена теперь питалась в кафе и у "друзей", с презрением игно-

рируя стряпню отбившегося от рук мужа. В тот момент она гордо наносила боевой раскрас на заострённое от стервозности лицо, явно перебирая с длиной подводки и яркостью губ — и занимала весь кухонный стол напротив окна. На дальней стороне стыла яичница. Перегородить ей свет — сунуть руку в пасть змеи... Стоя у плиты, Ян скользнул взглядом по висящему на холодильнике календарю-ежедневнику: там на двадцать шестое сентября висела картинка с дворцовой площадью какого-то французского замка, муторно и блёкло освещаемая пасмурным небом. Пара несчастных гуляк, казалось бы, просто влипли в серую брусчатку, не в силах больше двинуться. И такой беспросветной тоской веяло от маленькой репродукции, что в душе Яна даже колыхнулось чувство некоторого удивлённого облегчения — не только в его жизни может царить такая глубина уныния.

Работа, новый проект, бессмысленный, но бодрый трёп коллег, предвкушающих хоть и мизерное, а прибавление премиальных за удачное начало большого дела — всё это в течение дня по миллиметру, но отодвигало ту каменную плиту негатива, что ежедневно наваливала на Яна вышедшая на тропу войны жена. Вернувшись домой позже обычного просто потому, что даже мысли о пребывании в одном помещении с "благоверной" были способны загнать в беспросветную тоску, Ян с огромным облегчением не застал жену дома. А ведь ни слова... и работа у неё до шести. Изучающе-мазохистская попытка обнаружить в себе ревность... Ноль!

Спонтанно повеселев, Ян двинулся на кухню, уже не опасаясь запить в горькую — курсом на холодильник, к остаткам текилы. Достал из нижнего отдела полузасохшую половинку лайма с острыми, как бритва, краями. Преодолев после-рабочую лень, отрезал-таки кривой кусочек, макнул мокрой стороной в соль, приставил край рюмки к губам и... чуть не разлил. Весёлые фонарики освещали блестящую от прошедшего дождя мостовую, прохожие оказались в объятьях друг друга, тёмно-синее небо над искусно подсвеченным замком ласково переваливало левым краем в догорающий в облаках закат.

Однако мужская рассудительность всё же взяла своё, и Ян лихо тяпнул стопарь, рассеянно закусив неприятно хрустнувшим лаймом. Зачем-то приподнял следующий лист календаря, присмотрелся к пружине крепления и, не найдя ни намёка на повреждения или какие-либо следы манипуляций со страницей, тихо сел рядом на жёсткий табурет. Тут же мысленно отругал себя за мышление на уровне придурка — и так ясно, что персонально для него никто бы не потру-дился перевешивать картинку в календаре на холодильнике, вскрыв квартиру номер девяносто шесть.

Чуть помутилось в глазах, накатил не весть откуда взяв-шийся лёгкий тремор. Ян рефлекторно мотнул головой, про-ясняя взгляд. А вокруг всё как обычно... те же завывающие троллейбусы за окном, тот же мерзкий ледяной дождь по стеклу, тиканье часов над дверью, жёлтые обои... никаких

чудес или глюков. Спокойно так, выжидательно.

От трели телефона на столе Ян чуть действительно не заорал — всё, нервы ни к чёрту!

— Буду завтра, матери не звони.

— Понятно...

— Чё те понятно, те ваще фиолетово, чё со мной!

Довольно ранний вечер, Лена уже вдрызг. На заднем фоне гулкий клубняк. Это, в принципе, новости. Раньше просто под мухой, бывало, заявлялась после одиннадцати.

— Если бухая, да ещё и завтра вернёшься, значит, у тебя там всё клёво!

Последние слова Ян проорал в заставку телефона.

— ****.

Следующая трещина мира пошла как-то вяло, исподволь, уже за пару дней до финального захода в дворец бракосочетаний. Ян всегда замечал некие тотальные качания общего настроения окружающих людей, в транспорте, на работе, в магазинах... Но тут уж совсем. В тот день Ян на работу еле попал, думал, очередная полоумная бабулька проткнёт-таки его клюкой. В тралике почти всю дорогу стоял ор, заново разгорающийся на каждой остановке. Кондукторша, давно покрывшаяся фиолетовыми пятнами, необъятной бёдро-талией избирательно сметала угрюмо молчащих пассажиров в объятия оккупировавших все сиденья осатаневших старушек: те, сидя, уже просто хрипели от ярости. Но

очаг веселья был отнюдь не на нижнем ярусе. Просто на всех уважаемых пожилых людей мест так и не хватило. Несколько дедулек в предынфарктном состоянии пытались выкрутиться из костлявых рук своих многочисленных ровесниц, поочерёдно то дёргавших их "присаживаться", то с воплем выпихивавших начинающего приземляться "молодого оболтуса" шестидесяти годков в противоположную от текущего поворота троллейбуса сторону. Ян бы подумал, что спит после отравления ужином, если бы в салоне не оказалось ещё трёх человек, затравленно смотрящих на происходящее и вопросительно оборачивающихся друг к другу.

Когда общая скорость транспорта упала до пешеходной, Ян решил покинуть местный филиал чистилища на две остановки раньше положенного. И почти не удивился — вдоль проспекта, по обе стороны, собирая километровые пробки, расположились аж три лёгкие аварии. У одной из них шла массовая драка с участием водителей вставших рядом маршруток. Ян опасливо ускорился, полубегом проскочив в относительной близости от бушевавших автолюбителей и профессионалов.

Работа встретила его обалдевшими взглядами меньшей части коллег. И еле сдерживаемым бешенством остальных, включая "главнюка". Но, на удивление, как-то обошлось. Парой срезанных премий. Всё же программисты работают с логикой, а логика воспитывает рациональность.

Хвала богам, Лена в этот день была у родителей. Ну, так

она сказала, по крайней мере. Были основания полагать, что почти-жена вполне могла оказаться причастной к той большей части человечества, которая в этот сумасшедший день решила сожрать меньшую. Потому Ян с наступлением вечера малодушно выключил телефон вообще.

Ну а следующие сутки были сплошной эйфорией. Внешне. Улыбки на улицах, вежливые продавщицы в маркетах, оттаявший начальник. Ощущение реальности происходящего беспощадно покидало Яна, он просто видел перед собой... опять плоскость! Те же грязные ниточки, те же нелепые пассы конечностями нелепых людей-кукол. Да он просто не чувствовал их присутствия рядом! И, каким-то совсем уж дразнящим контрастом — десять-пятнадцать процентов прежних *людей*, большинство из которых, как и он, были явно дезориентированы — опасливо озирались вокруг.

Этот день Ян прожил с чувством, что застал настоящий зомби-апокалипсис. На все попытки хоть как-то разговорить относительно вменяемых сотрудников на работе на эту тему в ответ был лишь полуагрессивный, затравленный страх под вежливыми улыбками. Через пару-тройку неудач до Яна дошло — люди настолько боятся признаться себе в том, что мир перекосило, что скорее предпочитают признать себя временно умалишёнными. Стандартный ответ — "да вон, магнитная буря вчера какая была...", а то и вовсе мгновенный переход на другую тему.

Спустя несколько дней эффект, казалось бы, сошёл на нет,

но Ян уже не обманывался — "плоские" остались. Просто встряхнувшийся было социум инертно осел, ведь в функциях его членов ничего особо не изменилось. Зато на улицах стало в разы больше полиции, в интернете только хорошие новости. Ночами за городом, почти без перерыва, кружила дальняя военная авиация.

А потом всё-таки пришло сообщение о карантине в Архангельске, вроде как город оцепили. Вяло ползли слухи — мол, диверсия, что-то психотропное. С давних пор научившийся вдумчиво читать любую желтуху в поисках нечаянной правды, Ян сделал для себя вывод, что теперь всё и вправду совсем плохо.

Не было ни одного слива видео из города. Вообще, даже текста — ни строчки. Зная, что везде найдутся "люди", способные снимать на мобилу даже то, как заживо горит сосед, хотя бы кто-то из окружающих должен был соблазниться. Ноль. Пара вялых попыток комментаторов под всякими официальными постами задать вопрос "как так?" вообще не встретила интереса, в том числе со стороны модераторов.

Тем вечером Ян пошёл закупать тушёнку, соль, спички и далее по списку. Причём вышел из дома уже на чистом упрямстве.

Потому что почти перед выходом не удержался, позвонил Лёхе.

Тот был всегда трезв умом и ситуативен. Даже вдрызг пья-

ный — просто становился агрессивным, но при этом чётко понимал, кому и за что начищает рыло. И эта "трезвость" чаще всего становилась проблемой в их с Яном общении, ещё тогда, на прежней работе — Лёха никогда не делал лишних вещей. Минимум вежливости, максимум выгоды. Простой звонок такому "приятелю" практически всегда означал финансовые или иные потери. Ненавязчиво и дружелюбно, пока надо. Причём потерпевший осознавал свою "натянутость" отнюдь не сразу — лишь по прошествии безопасного для "приятельских" отношений времени, когда вроде уже и обижаться стыдно, да и сам как-то сглупил что ли...

— Лёха, привет.

— И.

— Как всегда, рад меня слышать?

— Ага. Быстрее рожай.

— М... Хотел у тебя спросить... только ты решишь, что я свихнулся...

— Я бы даже не заметил.

— Может, пересечёмся?.. Тут одну тему обсудить надо. Очень.

— Занят, давай так. У тебя минута.

— Э... что ты думаешь про Архангельск? В смысле, не заметил, что там вообще всё не так? — выпалил Ян, сам неприятно удивляясь киношной бредовости сказанного.

— Я бы даже не заметил.

— Лёха!

— Пятьдесят секунд.

— Лёха, очнись! Вокруг зомбари ходят, нормальные обосрались и затихли! Ты-то уж, скотина хитрожолая, должен был всё просечь!!! — Ян сорвался на визг.

— Мой тебе совет. Не тяни, звони в ноль три. Хотя нет, сначала отнеси Пашке мой принтер. Можешь прямо на его адрес вызвать.

— Урод.

— ... Кх...

— Лёха?

Странные звуки на том конце усилились до треска. Внезапно появился голос, будто бы другого человека, придушенный, истеричный.

— Ян! Всё, кранты!! Проваливаюсь... Чёрт! — Звук глухого удара, сопение.

— Лёха, держись, я сейчас! — Рывок с телефоном в руке к платяному шкафу, судорожные попытки пропихнуть занятую руку через рукав...

— Не надо, ты меня уже не застанешь. *Меня.* — Голос слегка поплыл и расслабился. — И не беги за спичками, и так возьмёшь без проблем... тут без нас обойдутся... даже интересно, сколько ты продержишься... не ожидал от тебя, заморыша...

— Я уже еду! Лёха!!

— ... Кх... Ты чё разорался, придурок. Нах не упал ты мне тут, ехай лечись. Скажи Пашке, чтобы Ленке перезво-

нил, там должок один есть. Всё, отбой, кучерявый. — Картонный голос запустил стаю мурашек по спине Яна.

Руки трясутся нехило. Надо тяпнуть.

Уже не спеша одевшись, Ян встал перед зеркалом у порога. Н-да, кучерявый... Копна почти белых волос, что раньше так сводила с ума падких на смазливых блондинов девчонок, теперь смотрелась явно неуместно на осунувшемся и резко постаревшем лице, стальные глаза взирали из-под опухших век терпеливо-обречённо. Как это, стальные?!

Ян с силой проморгался, глянул на освещавшую коридор желтоватую лампу. Может, освещение... Да нет, вчера же лампа была та же. И радужка — ярко-голубая, с нуля лет.

С такой знакомой и, казалось бы, хорошо забытой тоской Ян вскинул подбородок, проверяя вблизи от зеркальной поверхности наличие разреза от уха до уха. Почему-то именно это он больше всего боялся увидеть однажды, и так-то себя не особо живым ощущал последнюю неделю...

В подъезде, перед лифтом, Яна опять замутило, пришлось даже схватиться за стену — пол перед глазами начал предательски сворачивать влево. На этот раз отпускала дольше, в голове словно что-то онемело и не оттаивало, начало слегка подташнивать. Подумав полминуты, Ян всё же решил идти дальше, добавив в план похода аптеку. Там уж что-нибудь спросит. Хотя тут явно к врачу нужно, или... или как Лёха.

По пути к супермаркету прихватило сердце. Раньше, конечно, после попоек или серьёзных нагрузок такое бывало,

но теперь — что-то не то, словно защемило и не вдохнуть. Ян вспомнил, что советовали прокашляться... вроде, слегка помогло. Интересно, что дальше отвалится?..

Грязноватый супермаркет встретил его полнейшей обыденностью. Одна из помятых дам у кассы окинула его тем неприязненным взглядом, какого интеллигентствующие особы обычно достаивают начинающих алкашей. Ян лениво вернул презрение источнику, пошёл к полкам с консервами, чувствуя спиной что-то вроде «и кто сомневался?» Весь список набирать не стал. Действительно, зачем. Всё как положено, люди работают, жизнь идёт своим чередом, ажиотажа нет и на горизонте. "Жизнь"... Ян всё-таки свернул в бакалею за канистрой воды, ёмкость в хозяйстве не помешает.

И тут здание тряхнуло. Так, немного. Пара девчонок у стойки с пивом взвизгнула. Празднично закачались подвесные лампы над кассами, как бы давая всем понять, что это не секундный глюк. Запоздало рухнул ящик водки рядом с застывшим грузчиком. Звон стекла послужил спусковым механизмом — немногочисленные покупатели ломанулись к выходу. Пара дородных тёток тут же отличилась, сбив с ног пацанёнка и какого-то дедулю. Портовый мат из лужёных глобток. Хорошо ещё хоть входную дверь не вынесли.

Ян спокойно подошёл, помог подняться деду, по-рыбьи глотающему воздух обтянутым жёлтой кожей ртом. От того пахло чем-то старчески-прокисшим. На полпути к выходу часть начавшей паниковать толпы притормозила и притих-

ла, словно вправду устыдясь своего животного порыва, и уже под организаторские выкрики кассиров оперативно покидала магазин.

На улице тоже стоял гомон, но какой-то скорее радостно-возбуждённый. Все живы. В последний раз небольшое землетрясение в этих краях было где-то лет восемьдесят назад, да и то явно слабее. Под тёмным небом мелькали вспышки мобильных, народ явно собрался праздновать, хотя кое-где раздавалось приглушённое "форшок, форшок...". На соседнем перекрёстке пару раз тьякнула ДПС-ка, как бы призывая веселиться в меру. И на пару минут Яну даже показалось, что всё это действительно бред — все эти зомби, календари, Лёхи, и всё вокруг нормально, съехал действительно только он один.

Впрочем, в том, что он съехал и надёжно, Ян наглядно убедился уже через десяток минут, на этаже перед квартирой.

4.

Ян любил животных. Искреннее, чем многие, кто кричит об этом налево и направо, чем те, которые обожают няшно сюсюкать с котиками, щеночками и так далее. Разумеется, на самом деле это всего лишь поверхностное умиление — о том, что они тоннами пожирают пожизненно-зверски мучимых кур, коров, не говоря уже о вполне-таки разумных свиньях, о том, что их прелестные норковые шубки содраны живьём — такие умудряются виртуозно не думать.

Любил, но тоже ел. Только честно. И потому голодным уличным псам и котам ничего не давал, ибо "мы в ответе за тех, кого приручили". С Яна довольно было нескольких собственных детских, но очень взросло прочувствованных трагедий в этой области.

Решил подниматься пешком — и раньше надсадно кряхтящий доходяга-лифт не казался достаточно надёжным. Теперь, до проверки службой и парой десятков жильцов, он туда точно не полезет — вон, какая трещина в стене... Интересно, а в квартире повреждения есть?

Да... совсем запустил себя: уже к третьему этажу явно обозначилась одышка, в ногах лёгкое подрагивание. Очередной раз пообещав себе начать с... завтрашнего утра делать зарядку, Ян доковылял до шестого этажа.

— Мяу.

И зачем вспоминал только что... Накаркал, так сказать. Опять какая-то тварь выкинула, наигравшись. Бедный котёнок, пригрелся, наверно, там у батареи, в тени.

Запнувшись, Ян всё же пошёл дальше, решив-таки ночью выставить к мусоропроводу мисочку сметаны. Всё равно они потом куда-то пропадают, может, уборщицы их там душат...

— Хм. Миау!

Теперь Ян встал как вкопанный. Медленно, боясь обернуться, поставил пакеты на пол.

Но ведь оборачиваться придётся. Потратив пару секунд на то, чтобы попробовать перестроить себя на тот самый полу-

сумасшедший пофигизм, который научился вызывать у себя после определённых событий, Ян, отступив ещё на шаг вперёд, обернулся.

У батареи сидело оно, нечто крайне замызганное. С непропорционально большой головой, в идеальной кошачьей позе. Из-под клоков длинной шерсти на голове торчал белый... кажется... нос. Человеческий.

— Обычно ждут белочку, — флегматично проговорил Ян. Тоненький, но твёрдый голосок.

— Кушать хочется, очень.

Яна начало колотить. Но срыва не произошло. Включился какой-то, скорее всего, отцовский инстинкт. Мысли повернули в сторону недавних покупок. Ян почувствовал себя совершенным идиотом, но всё же спросил:

— Тушёнку будешь?

— И попить бы.

— ... а то переночевать негде, — буркнул Ян, осторожно подшагивая к пакетам.

— Тебе лучше забрать меня к себе. — В голоске не было ни капли наглости, скорее, какая-то едва наметившаяся забота и... кокетство!

Уже слегка пришедший в себя Ян, минуя пакеты, начал медленно подходить к существу, стараясь не делать резких движений.

— Да ладно, не бойся, — сказала нечто, откинув волосы со лба чисто женским движением головы.

Это произвело обратный эффект. Ян шархнулся назад. Невероятная, абсолютно нездоровая комбинация кошачьего тела и почти кукольной человеческой головы кричала, просто вопила о том, что этого не может быть. Он сдвинулся, полностью. Девичья головка поникла, нахмурившись.

— Я такая страшная, да?

— Да нет, что ты!... — вяло и чисто на автомате начал оправдываться Ян, в то же время плавно садясь прямо на пол.

Глаза чуть привыкли к полумраку. Измазанное личико с парой ссадин на лбу было... изумительно! Совершенные пропорции просто магически привлекали взгляд, несмотря на обрамление из грязной пакли длинных чёрных волос.

Обычно не склонный к большим сантиментам, Ян умудрился мгновенно растрогаться.

— Ты... очень красивая.

Яну почудилось легчайшее мурлыканье, слегка смущённое.

Существо начало медленно вставать, вытянуло спину колесом, потом отклонилось назад, зажмурилось, выпустив немаленькие когти на бетонный пол в элегантном потягивании... И мгновенно дёрнуло в тень, скрипнув когтями по бетону — на верхнем пролёте, громко щёлкнув, начала открываться соседская дверь. Шлёпнули тапки — кто-то явно идёт выбрасывать мусор.

Решение пришло спонтанно и мгновенно. Ян, оставив па-

кеты, быстро подошёл к батарее, не давая себе опомниться, почти аккуратно подобрал... кошку, оказавшуюся довольно тяжёлой, запахнул бортом куртки, оставив на обозрение только спину. И трусцой припустил мимо удивлённого соседа в квартиру, судорожно на шаривая свободной рукой ключ.

Не особо деликатно спустив ношу на пол прихожей, Ян рванул назад за пакетами, ещё раз пересекаясь с разжиревшим соседом, теперь уже откровенно разглядывающим его в психиатрическом контексте. А, не привыкать!

Захлопнув дверь, Ян позволил себе, наконец, выдохнуть... Включил свет, устало стянул куртку и ботинки, пошатываясь, прошёл в большую комнату, где царил полумрак, развеиваемый мягким зеленоватым светом аквариума. Но гости тут явно не было. Секундное замешательство... Ян хлопнул себя по лбу — ну как же можно было забыть? И пошёл на кухню, тихонько улыбаясь, прихватив по пути приобретённое продовольствие. Щелкнул тугим выключателем.

Не ошибся. Она сидела у окна на его стуле (ну, естественно!), слегка нахохлившись и опустив голову. Вроде как комплексовала.

— Ты это... располагайся, что ли. — Ян поймал себя на том, что чуть было не дёрнулся подойти и почесать за ушком.

Реплика была почти проигнорирована — только лёгкий удар хвостом по стулу.

Выпотрошив целую банку тушёнки в глубокую тарелку, Ян опять застыл.

— Положи, пожалуйста, на пол пока что. — Тон стал чуть более уверенным, чем раньше, с едва заметными нотками аристократизма.

Кошка с классической грацией проследовала со стула к оставленной тарелке, села рядом, взглянула на Яна исподлобья.

— Ой, — сказал Ян и смущённо удалился в зал.

Спустя пару минут сидения в кресле и попыток хоть как-то упорядочить в голове произошедшее, когда с кухни доносилось журчание воды из-под крана, Ян решил всё же зайти глянуть — что к чему. Существо теперь чинно сидело на столешнице рядом с раковиной и взирало на появившегося хозяина квартиры ясными изумрудными глазами с вертикальными зрачками. Кран был закрыт, по миниатюрному человеческому подбородку стекала пара капель чистой воды. Гостя плавно и укоризненно перевела взгляд с Яна на грязные следы своих лап по белой поверхности столешницы и изрекла:

— Теперь надо решить, как мне помыться.

Что-то неуловимо-знакомое сразу зацепило внимание Яна, что-то в самой интонации сказанного. Пожалуй, и в смысле тоже. В поведении...

Вот он, тот самый нужный момент, который Ян упускал всю жизнь! Да уж, жена его хорошо пообтесала... Ян демонстративно спокойно и уверенно сел на стул рядом с дверью и, обретя устойчивую позу, уставился на свою находку.

— Так. Кто ты такая?

Голос почти не дрогнул, хотя до булатной стали рубленых реплик бывшей жены ему было как до Марса.

Существо молча перевело взгляд в глаза Яна. Узкие чёрные зрачки расширились, блеснув багровым на дне.

— Интересно, что мне мешает убить тебя прямо сейчас? — невинно поинтересовалось животное, с лентой распустив из мягкой лапы веер когтей у себя перед лицом. Желтоватые когти раза в полтора превышали по величине нормальные кошачьи.

Ян и не ждал ничего хорошего от мистической кошки-мутантки, найденной в сдвинутом мире, в подъезде, вскоре после землетрясения. И всё же его проняло: киса улыбнулась. Хотя это был скорее оскал — за идеальными губками показались клыки-иглы.

— Думаю, какая-то выгода, — медленно проговорил Ян, лихорадочно ища боковым зрением тяжёлые предметы в пределах досягаемости.

Момент начала подготовки Ян даже не заметил. Кошка уже находилась в положении для прыжка, в полной тишине. Замерла.

— Ха!!

Ян свалился со стула вправо, пытаясь уйти с предполагаемой линии атаки, перекатился боком за пределы кухни, умудрившись даже не задеть тумбочку. Уже в коридоре неловко вскочил, порываясь захлопнуть за собой дверь, но

его никто не преследовал...

Раздался звук воды из крана по пустой раковине, периодически чем-то прерываемый.

Может, свалить отсюда, пока жив? От адреналина трясло крупной дрожью.

Ян всё же тихонько снял с вешалки здоровенную ложку для обуви, больше метра длиной и довольно тяжёлую. Вцепился в неё двумя руками, вернулся, начал медленно заглядывать за дверь на кухню.

Хищница сидела перед вновь открытым краном и с явным интересом играла лапкой со струей.

— Ты в три раза медленнее меня, никогда толком не сражался. Просто останешься без глаз и быстро истечёшь кровью, — буднично сообщила совершенно спокойная кошка.

Ян медленно сполз спиной по стене, бессильно уронив "оружие" на пол.

— Кстати, поступил правильно. Только больше права не качай, останемся цивилизованными... личностями. — В голосе появились мягкие примирительные тона. — И спасибо за угощение.

Моноotonно бубнил телевизор голосом диктора новостей, Ян сидел в уютном кресле, пил горячий чай, завернувшись в плед. Старался изо всех сил — не пялиться на гостью каждую минуту.

Она сидела вблизи, на подлокотнике дивана, обвившись

хвостом, и просто излучала домашний уют. И в то же время была сама как вызов нормальной реальности, вызов потрясающе изящный и страшный одновременно. Нежная буро-вишнёвая шерсть, довольно короткая, скрывала под собой гибкое поджарое тело размеров мейн-куна или чуть больше. Момент перехода в человеческую голову у самой шеи был совершенно гармоничным: спереди мех постепенно укорачивался, уступая место открытой нежной коже, сзади головы же, наоборот, удлинялся, переходя в миниатюрную, но роскошную волну тёмных человеческих волос. Благородный овал лица... Если полюбоваться подольше, ощущение неправильности пропадает вовсе, скорее наоборот, словно совершенство найдено — в сравнении с ней все обычные кошки начинают казаться какими-то излишне... животными. Но удивительней всего — изумрудный взгляд. Гипнотически глубокий, спокойный, как космос, внимательный, как время, непостижимый в своей невыразимой печали...

— Говорят, у меня мамины глаза, — задумчиво произнесла она, теперь разглядывая рыбок в аквариуме. — Так что смотри не утони.

Ян действительно уже почти впал в некое подобие транса к этому времени.

— А кто твоя мама? — невпопад спросил он, растирая руками занемевшее лицо.

— Бастет... но ты всё равно её не знаешь.

Ещё немного посидели молча. Отчего-то в этот момент

спрашивать, как зовут её саму показалось Яну верхом бестактности. Кошка глянула ему в глаза и одобрила тактично задавленное любопытство полукивком.

— Тут хорошо, пока что. Наслаждайся, дитя.

Ян опять чуть не ляпнул лишнего, теперь уже про возраст. В щёки дало предательским жаром. Гостья тихонечко рассмеялась...

И такой музыки Ян не слышал от рождения! Только сейчас он вполне осознал значение слова "изумление"... Где-то на краю сознания появилась уверенность, что он для этого создания готов на многое, очень на многое, за её... совершенство!

Кошка по-доброму и как-то грустно улыбнулась Яну, медленно отвернулась к телевизору.

Посидев так полминуты, деловым тоном разрешила:

— Спрашивай.

— Этот мир... что с ним?

— Как наивно. И, как ни странно, в точку. А ты надень свои очки и глянь на небо.

Когда до Яна дошло, что это не фигуральное выражение, он, чувствуя себя довольно глупо, поднялся к серванту за очками. Но в голосе гостьи не прозвучало и тени насмешки, так что Ян подошёл к окну и, аккуратно сдвинув занавеску, с тревогой взгляделся в ночное небо. Засветка неба городом была ещё та, но пять-шесть звёзд обычно можно было разглядеть, тем более в очках.

Из форточки шёл заметный поток свежего зимнего воздуха, отдававшего теплотой и угольным чадом с ТЭЦ, в тёмном небе пронеслась пара голубей-полуночников. Звёзды мерцали и переливались. Дрожали.

Нет, они двигались! И переливались всеми цветами радуги. Смещаясь на доли градуса от своего обычного места, они резво играли как цветом, так и яркостью. Раньше что-то подобное Ян видел в очень морозные ночи, где-то в -37, у самого горизонта, только, конечно, не в таком масштабе.

Свет явно что-то сильно преломляло.

— Там в стратосфере абсолютный ноль, что ли?

— Разумная версия, но неверная. Хотя ты прав по поводу проблем с миром, — интригующе заявила кошка.

Ян немного постоял в раздумьях, прикрыл форточку, взгляделся в уныло бредущие фигуры прохожих на улице.

— Ну, раз со *всем миром*, то спешить некуда, как я понимаю...

— Верно. Я обеспечу вокруг тебя островок стабильности до нужного момента.

"Дитя" встрепенулся:

— А как же ты, когда тут всё... ну, того?..

— Мне так приятна твоя чистая забота. Как же редко я её видела последнее время...

Гостя вновь отвернулась, однако Ян почувствовал, что теперь как-то иначе — словно бы желая скрыть внезапную душевную слабость.

— Так же, как и ты, во многом — умру.

Ян опять ощутил то самое яростное отрицание внутри. Решившись, твёрдым шагом обошёл создание, сидящее у него на диване, затем как-то неловко встал напротив.

— Тогда зачем ты собираешься меня защищать? — спросил он с несколько неожиданным для себя напором.

— Ты ещё не понял. Сядь, это разговор минут на пять.

Он сел прямо на ковёр перед диваном, оказавшись чуть ниже кошки. Какой ракурс...

И тут до него дошло — да это же Сфинкс! В расширившихся глазах мелькнуло столь явное понимание, что гостья вновь мелодично хихикнула.

— Я не он. Не тот, кто сидит в песках без носа. Но направление мысли верно.

Помолчала, как бы давая время погадать над новым ребусом.

— Давненько я не общалась с людьми. Довольно сложно это делать на столь быстро меняющемся переломанном языке. Итак. У вас это называется осознанное сновидение. Уже пробовал?

— Хм. Да, даже с успехами. Некоторыми. Сначала само пару раз вышло, потом заинтересовался, почитал литературку...

— Пробовал оперировать с "реальностью"?

— Конечно, это интересно... и было одной из целей.

— Как ощущения?

— Да трудновато как-то, всё норовит рассыпаться, расплыться. А то и сам разваливаюсь — то проснусь совсем, то проважусь в неуправляемый сон, а там уже без осознания... Думаю, тут бы надо что-то натренировать, типа воли.

— Примерно. Поздравляю, ты едва вкусил божественного творения. Разумеется, только прикоснулся. На готовом, простеньком материале и "в бреду". Готовый материал — это твои нейронные сети, программы в них, резонансы с окружающим — пространственные и темпоральные. Ну, это всё тебе явно рано... А теперь про звёзды за окном. В местных научных кругах сейчас полная паника, все вояки на взводе, в меру оставшихся у них "душ". В лабораториях вообще печаль. Но я — *серьёзная мысль*, продержусь подольше всяких ваших "констант".

Дом заметно тряхнуло.

— ?

— *Он засыпает тут*. Ты же ведь не отсюда. Сколько раз ты осознанно продолжился?

— То есть?... Э... два.

— Силён твой владелец, силён. И очень настойчив. — Как-то чуть игриво прищурилась кошка.

— Владелец — это тот пацан в синей ветровке?

Опять тишина. Глубоко задумавшись, царственная гостья начала машинально намывать левую лапу нежно-розовым язычком. Заметив обалдело-весёлый взгляд Яна, гостья резко смутилась и раздражённо перешла на другой край дивана,

по пути лупя хвостом по подушкам.

— Ну прости. Ты так мила, что я сам растерялся, — старательно придавая лицу выражение раскаяния, сказал Ян.

— Проехали. Так. Значит, он вывел только ландшафтного болванчика... Это объясняет экономию энергии, но не полностью. Как ты умер в последний раз?

— А... так это была смерть?! — Ян почувствовал, казалось бы, давно забытое сжатие пониже спины. Зачесалась шея.

Кошка глянула с плохо сдерживаемым раздражением.

— Нет, задрых с бодуна просто! Не тупи. Ещё раз — как это было?

Гордость в хозяине квартиры вновь дала ощутимый подзатыльник разумению, но удалось сдержаться.

— Я был стариком, колдуном... то есть был в нём, но его переварил... чёрт, хрен объяснишь!

— Говори как можешь, главное — смысл.

— Ладно, по порядку. На меня напали какие-то дикари в лесу, в моём родном мире. Догнали. Главный меня прирезал и как-то выпил мою душу через глаза. Потом я был в нём... едой, что ли, ну, что-то типа того, он хотел меня переварить. Во сне. А один из рабов ему подянку устроил, дал заснуть глубоко. Тут я и прорвался наружу. Там, в нём, в мозгах или где там ещё... нас, съеденных, уже столько было!.. Только те уже были, как бы сказать... дебилы, что ли, или вроде того. В общем, я их как-то отпустил, а потом пытался выгнать и

колдуна, но почему-то не смог — устал и заснул в его теле. Очнулся в дыре какой-то, просто полудохлый! Мне... телу то есть колдуна того, было дофига лет. Кожа да кости, немощь полная, море боли. Ох. Ты бы знала, каково это! А меня тут пацан незнакомый в чувство приводит, начинает гнать взащей, да стебёт ещё... Наглый садист. Выпинал в лес. Потом там в лесу кто-то опять прибить меня хотел, да я на него того пацана натравил, не понимаю, как сил хватило... Ну а сам окончательно потом скис. Только тот пацан был вообще как глюк, честное слово. Там, в том пещерном мире, он гулял в джинсе потёртой, представляешь?

— Это аватар.

— А, ну это всё объясняет, — попытался съязвить Ян.

Во дворе разом завывли все сигнализации, слышались крики людей.

— Меня интересует момент перехода. Хотя до него тоже кое-что полезно. Постарайся излагать суть.

Ян из принципа выдержал паузу, прислушался к нарастающей панике за окном.

— Когда я там выпался, прямо на кочках, и проснулся — меня уже доедала мошка. Да и вообще, я явно не жилец был. Пацан решил меня добить.

Кошка заметно напряглась.

— Каким образом?

— Камнем. Видимо, хотел башку мне размозжить.

— Он тебя провоцировал. И проверял. Аватар и пылинки

не сдвинет.

— Как это? Он пинал меня в зад до того — будь здоров!

— Только в твоём восприятии. Дальше!

— Э... Он как-то контролировал мою боль — а тело явно сдыхало. Я ему сказал, что буду биться за жизнь, и попытался даже на него напасть. Куда там, я бы и на ноги не встал... Короче, он мне врубил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.